

= 75 +

РОЯЛИ, ПІАНИНО, ———
 ——— ФИСГАРМОНИИ.
 ОРКЕСТРОВЫЕ
музыкальные
ИНСТРУМЕНТЫ
 НОТЫ, —
 ГРАММОФОНЫ,
 ГАРМОНИИ.
 ——— ГЛАВНОЕ ДЕПО ———
 МУЗЫКАЛЬНЫХ
   ИНСТРУМЕНТОВЪ
 Г. И. ПИДРЖИШЕКЪ.
 Киевъ, Крещатикъ № 41.
 ———
 ОТДѢЛЕНІЕ ВЪ БАНУ

ПОДРОБНОЕ ЛИБРЕТТО
ОПЕРЫ
Демонъ

8-е ИЗДАНИЕ

ВНОВЬ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И
 ДОПОЛНЕННОЕ
З. М. САХИНА
 КІЕВЪ
 Б.-Подвальная 2. Типографія
 "ПРОГРЕССЪ"

«ДЕМОНЪ»

ОПЕРА ВЪ ДВѢ ДѢЙСТВѢ

МУЗЫКА Д. И. РАХМАНИНОВА

ЛИБРЕТТО ПО ПОЭМѢ М. К. ПЕРМЯКОВА
«ДѢМОНЪ»

(О)

ПЯТНАДЦАТЬ СОДЕРЖАНІЯ ОПЕРЫ СЪ СОХРА-
НЕНІЕМЪ ВСѢХЪ СЛОВАКЪ АНТОНЪ

3-Е ИЗДАНІЕ

ПРОВЕРЕННОВА И ДОПОЛНЕННА

В. М. СЕМЕНОВА

ТРЕБОВАНІЯ КОПИСТА

Кіевъ, Лито-Автографія «Прогрессъ»
Б. Покладная № 2

К І Е В Ъ,

Печатано въ типографіи «Прогрессъ»
1909 г.

Дѣйствующія лица

Князь Гудаль	Басъ	Оселинъ
Гамара, дочь его . . .	Сопрано	Колесовъ
Князь Синодаль . . .	Теноръ	Волынецъ
Демснъ	Баритонъ	Ивановъ
Ангель	Меццо-Сопрано	Земля
Старый слуга	Басъ	Андреевъ
Князя	Меццо-Сопрано	Кега
Конецъ	Теноръ	Каленъ
Соръ духовъ, осетины, гости Гудала, черкесы и монахи.		

Мѣсто дѣйствія — Грузія.

Дѣйствіе первое.

Сцена представляет кавказскій пейзажъ—скалы, горы, пещеры. На возвышеніи видна часть замка грузинскаго князя Гудала. Справа протекаетъ рѣка, теряясь въ кустахъ и камышахъ. Надъ рѣкой возвышается скала.

Темно. Гроза. Медленно пролетаетъ „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“— Демонъ. Поютъ хоры духовъ ада, вѣтерковъ, водъ, деревьевъ и скалъ и хоръ небесныхъ силъ.

Хоръ адскихъ духовъ:

Надъ землею снова
Демонъ пролетаетъ.
Буря насъ изъ мрака,
Изъ мрака словно вызываетъ.
Ждемъ мы, не дождемся
Свыше повелѣнья
По землѣ промчатся
Вихремъ разрушенья!

Постепенно мракъ разсѣвается и на скалѣ появляется Демонъ. Онъ нѣсколько времени стоитъ молча, потомъ опускается на скалу. Демонъ проклинаетъ презрѣнный міръ:

Проклятый міръ,
Презрѣнный міръ,
Несчастный, ненавистный мнѣ
міръ!

Передо мной вѣковъ безплодныхъ
Рядъ унылый проходить.
Властвовать надъ землею наску-
чило,
Безъ наслажденья я сѣю зло.
Нигдѣ ему не нахожу сопротив-
ленья,

И все покорно
Моему желанью, иль повелѣнью.
Проклятый міръ, презрѣнный
міръ,
Несчастный, ненавистный мнѣ
міръ!

Чѣмъ онъ хорошъ?
Какъ люди, также онъ ничто-
женъ!

Повсюду все одно и тожъ,
Онъ всюду слабъ и ненадеженъ.
Я захочу и разнесу
Лѣса и рощи ураганомъ.
Водой разины наводню
И небо затяну туманомъ.
Огнемъ подземнымъ затоплю
Я горы, скалы и долины.
Безплодной лавой занесу
Все, что предъ собою я вижу,
Все проклинаю, ненавижу.

Появляется озаренный яр-
кимъ свѣтомъ ангелъ, геній
добра. Онъ убѣждаетъ Де-
мона не проклинать, а любить
Божій міръ, и тогда Богъ про-
ститъ его, снова „отопретъ
для него свой рай“. но Демо-
ну не нуженъ рай, онъ хочетъ
свободы и страсти. Ангелъ
продолжаетъ увѣщевать его

бросить свою гордыню и про-
никнуться любовью.

Демонъ:

Тиранъ, онъ хочетъ послушанье,
А не любви.
Любовь горда какъ знанье,
Вотъ, что пойми.
Когда безъ рабства, угнетенья
Я найду любовь,
Тогда къ нему безъ озлобленья
Вернусь я вновь.

Ангелъ поетъ.

Мрачный! пойми жъ и ты
Въ гордости нѣтъ любви!
Все создается, все побѣждается,
Все обновляется силой любви!
Твои познанья, отрицанья
И ненависть—любовь твоя
И нѣтъ тебѣ ни пониманья,
Ни обновленья никогда.
Все, до чего коснешься ты,
И смерть и гибель ожидаетъ,
Твое дыханье отравляетъ,
Ты о любви не говори!
И помни—до того, что небу
мило
Не касаясь ты смотри!

Исчезаетъ.

Демонъ говоритъ ему вслѣдъ:
„Грози, грози мнѣ, рабъ без-
страстный, я борьбы хочу,
смотри-жь и ты“. Исчезаетъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лунное вечернее освещение

Изъ замка Гудала выходятъ
подруги Тамары, дочери князя
Гудала, съ кувшинами и спу-
скаются къ рѣкѣ за водой по
нарубленнымъ въ скалѣ ступе-
нямъ, напѣвая пѣсню:

„Ахъ, идимъ мы къ Арагвѣ святой!
Каждый вечеръ за водой
И кувшины наполняемъ,
Мы студеною водой.
День и ночь бѣжить Арагва
Неустанно по камнямъ,
Золотая плещетъ рыбка
По сафировымъ волнамъ.
Золотая, не простая,
Да не всѣмъ она видна.
Лишь когда кого полюбить,
Съ тѣмъ и рѣчь ведетъ она.
Увлечетъ къ себѣ въ хопомы
Изъ цвѣтнаго хр, стала
Кто войдетъ туда,
Варшится на захочетъ, никогда!

На террасѣ замка появляется
Тамара, за ней няня. Тамара
шутливо упрекаетъ подругъ
за то, что не подождали ее.
Она говоритъ, что скоро уже
не будетъ ходить съ ними за
водой, такъ какъ выхолить за-
мужъ.

Демонъ вновь появляется
на скалѣ. Онъ увидѣлъ Тама-
ру и пораженъ ея красотой.
Тамара вдругъ загрустила, она
жалуется, что ей дурно, ей
грудно дышать. Няня, стара-
ясь развлечь Тамару, расска-
зываетъ ей про жениха, кня-
зя Синодала, который завтра
долженъ прибыть къ нимъ съ
богатыми лапами:

„Сидеть изъ нестѣтѣ женихъ на
конѣ,
Держитъ онъ крѣпко рукой по-
воду.
Ися въ серебрѣ дорогая узда,
Вышитъ шелками персидскій
чепракъ,
Ярко сияетъ на солнцѣ шишакъ.
Сабли оправа работы разной.
Лило винтовки блестятъ за спи-
ной,
Железоперстоская весь въ мы-
лѣ подъ нимъ,
Мечется въ нестѣтѣ женихъ уда-
лой,
Слуги едва поспѣваютъ за нимъ!“

При воспоминаніи о Синода-
лѣ, Тамара оживляется, снова
дѣлается веселой и радостно
поетъ:

„Ахъ! Нарземъ, соберемъ мы
цвѣты, цвѣточки,
Соплетемъ, соблаемъ мы вѣнки,
вѣночки,
Вся въ цвѣтахъ, въ жемчугахъ
встоимъ мы одного.

Онъ придетъ, принесетъ много
дорогого..

Ахъ, не видать, не познать
Оъ нимъ бѣды ни муки.
Будемъ вѣкъ коротать
Безъ тоски, безъ скуки.
Новой жизнью жить
Зесело мы станемъ,
И другъ друга любить
Мы не перестанемъ.
Ахъ, родной, дорогой,
Госпофъ увидѣть и обнять сы
себя.

Ахъ, родной, дорогой,
Ахъ соскучилась я!"

Демонъ все время восхища-
ется Тамарой. Въ тотъ моментъ,
когда дѣвушки идутъ за кув-
пинами, Демонъ обращается
къ Тамарѣ съ нѣжнымъ при-
знаніемъ:

Идти, въ объятіяхъ твоихъ
Вскресну къ новой жизни я.
Тамара, люби меня! —
Другому не отдамъ тебя
Возьму я, вольный сынъ степей,
Тебя въ надзвѣздные края
И будешь ты царицей міра
Полонга вѣчная моя!

Тамара въ смущении, огля-
дывается и, увидѣвъ Демона
на скалѣ, остается поражен-
ной, неподвижной. Демонъ ис-
чезаетъ. Тамара сзываетъ под-
ругъ и испуганно рассказыва-
етъ имъ о своемъ видѣніи, о
дивныхъ пѣсняхъ и страстныхъ
рѣчахъ. Подруги всячески ее

успокаиваютъ. Но Тамара не
перестаетъ бояться появленія
дивнаго незнакомца. Няня зо-
ветъ задумчивую и грустную
Тамару домой, дѣвушки берутъ
кувшины и, напѣвая пѣсню,
уходятъ въ замокъ. Тамара
медленно слѣдуетъ за ними и,
сглядываясь на скалу, задум-
чиво повторяетъ послѣднія сло-
ва Демона:

И будешь ты царицей міра,
Полонга вѣчная моя!"

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Видная мѣстность въ горахъ. На
скалѣ часовня. Вечеръ

Появляется караванъ верблюдовъ князя Синодала. Слуги, лошади, старый слуга князя, наконецъ, князь съ товарищами верхомъ на коняхъ. По приглашенію слуги князя путники располагаются здѣсь на ночлегъ. Синодалъ приказываетъ снарядить гонца къ князю Гудалу и невѣстѣ, чтобы передать имъ, что онъ лишъ въ полдень пріѣдетъ къ нимъ на брачный пиръ. Онъ жалѣетъ, что не можетъ ускорить свой пріѣздъ къ князю Гудалу и раньше увидѣться съ любимой невѣстой. Путь его каравану загородилъ обвалъ: люди и кони его устали и нуждаются въ отдыхѣ и ночлегѣ. Какъ-бы ему хотѣлось бросить караванъ и обернувшись соколомъ, полетѣть къ прелестной Тамарѣ.

Обернувшись соколомъ — и къ
тебѣ,
моя голубица — приливая, полетѣлъ бы я

Полетѣлъ бы я, рвался бы по
воздуху.
Я вблизи твоей любовался бѣ,
Любовался бѣ горлицей, горлицей
своей.
Ждешь ты, дожидаясь,
Я жъ еще въ дали,
Своего разлюблился крылья мои!

Старый слуга князя уговариваетъ Синодала не кручиниться и совѣтуетъ лечь отдохнуть. Князь, въ задумчивости, садится на камень. Полудніе лучи солнца догораютъ. Ночь освѣщена кострами. Говорятъ ужинъ. Прочіе слуги заливаютъ въ кубки вино и громко приветствуютъ своего князя. Ихъ останавливаетъ старый слуга, говоря, что это мѣсто не доброе и кричать здѣсь нельзя. Показывая на часовню, онъ говоритъ, что здѣсь похороненъ убитый изъ мести предокъ князя Синодала и проезжающіе путники всегда молятся въ этой часовнѣ, чтобы Богъ избавилъ ихъ отъ злой напасти. То же онъ совѣтуетъ сдѣлать и Синодалу, но тотъ отказывается, обѣщая сходить на молитву завтра передъ выступленіемъ въ путь и приказываетъ всѣмъ ложиться спать. Князь ложится отдыхать. Караванъ напѣвая пѣсню — Ноченьку*, распола-

гаются гдѣшными вокругъ кост
пола.

„Ноченька, темная—скоро прои-
детъ она
Завтра же съ зоренькой въ пути
намъ опять
Яркое солнышко въ небѣ пока-
жется
Будетъ дороженьку намъ освѣ-
щать
Сядемъ на быстрые кони, при-
красимся
Будемъ оружіемъ на солнцѣ
блистать
Съ пѣснями, съ плясками, съ
бубнами съ звонкими
Завтра насъ дѣвушки станутъ
встрѣчать
Ноченька, темная—скоро прои-
детъ она
Завтра же съ зоренькой въ пути
намъ опять“

Князь поетъ:

„Ноченькой темною вѣтры по-
слушные
Какъ-бы вамъ въ горницу ми-
лой влетѣть,
Все что скажу я вамъ, какъ я
люблю ее
Надъ изголовьемъ милой про-
лѣтъ“.

Вскорѣ всѣ засыпаютъ.
Одинъ князь не можетъ за-
снуть. Онъ хочетъ молиться,
но молитва не идетъ на умъ;
его глазамъ представляется
красавица княжна, которая

скоро будетъ принадлежать
ему. Въ мечтахъ о ней онъ
тихо засыпаетъ.

Появляется Демонъ. Онъ го-
ворить, что Синодалу уже не
видать Тамары, что врагъ его,
скрывающійся въ ночной тѣмѣ,—
„тутъ какъ тутъ“. Демонъ
исчезаетъ. Съ разныхъ сто-
ронъ появляются ползущія,
угрожающія фигуры татаръ.
Вбѣгаетъ старый слуга, будить
князя и бьетъ тревогу. Проис-
ходитъ бой, который оканчи-
вается неудачно для каравана:
спутники князя частью пере-
биты, частью вынуждены къ
отступленію; самъ князь
смертельно раненъ. Онъ спра-
шиваетъ своего старого слугу:
останется-ли онъ въ живыхъ
или умретъ?—и проситъ пря-
мого отвѣта. Вѣрный слуга
отвѣчаетъ, что ему не про-
жить и до зари. Князь въ от-
чаяніи вскакиваетъ, проситъ
поскорѣ осылать ему коня,
говорить, что сдержитъ слово
и во время прискачетъ на
брачный пиръ къ Гудалу и
хочетъ помчаться въ даль:

„Я хочу къ ней скорѣй до зари
доскакать.
Гей, коня мнѣ живѣй на сѣдло
привязать!
Я неѣсть съезжу свое слово.“

На пиръ на брачнѣе прискачу.
Берегись, прочь съ дороги!

Появляется Демонъ. Князь испуганно спрашиваетъ слугу: „Кто это? Кто тамъ стоитъ?“... а затѣмъ съ крикомъ: „Князь святой защититъ! Никогда не отдамъ ее я тебѣ!“—бросается впередъ, но падаетъ. Синодалъ умираетъ, ему представляется любимая невѣста, и съ нея именемъ на устахъ онъ на вѣки закрываетъ глаза. Оставшіеся въ живыхъ слуги князя опускаются на колѣни около трупа своего вождя и оплакиваютъ его безвременную смерть.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА 4-я

Залъ въ замкѣ Гудалъ. Свадебный пиръ.

Гости и родные, въ ожиданіи выхода невѣсты и прибытія жениха, славятъ храбраго Гудалъ и его красавицу юць. Входятъ Гудалъ и въ свадебномъ дорогомъ нарядѣ Тамара и здороваются съ гостями. Скоро появляется гонецъ и передаетъ князю и княжнѣ поклонъ отъ князя Синодала и извѣстіе о его приѣздѣ, онъ прибудетъ въ полдень. Гудалъ награждаетъ гонца, приглашаетъ всѣхъ выпить вина и предлагаетъ тостъ за князя и княжну. Присутствующіе съ пѣснями и здравицами въ честь Синодала и Тамары осушаютъ кубки. Входятъ дѣвушки и юноши и поочередно танцуютъ лезгинку. Въ самый разгаръ пляски раздается крикъ и шумъ, всѣ останавливаются въ недоумѣніи. Гудалъ, гонецъ и нѣкоторые изъ гостей входятъ, чтобы развѣдать,

въ чемъ дѣло, издали слышны голоса: «О, горе, горе!»... Тамара, предчувствуя бѣду, устремляется къ двери; но подружки удерживаютъ ее. Вносятъ трупъ Синодала и кладутъ его на тахту, за нимъ Гудаль, старый слуга и гонецъ. Тамара съ пронзительнымъ крикомъ падаетъ на трупъ. На вопросъ Гудала, кѣмъ убитъ князь, старикъ отвѣчаетъ, что онъ былъ подстереженъ врагомъ въ ущельѣ. Тамара молить умершаго очнуться, встать для радостнаго дня:

Мой князь, очнись, очнись на мнѣ,
Тамара близъ тебя, вставай,
Ахъ, вставай для радостнаго дня,
Ты холоденъ, молчатъ уста...
Такъ схороните жъ съ нимъ
меня, да, меня!
Прочь цвѣты, жемчуга,
Прочь наряды, прочь парча!
Я любила его столько лѣтъ, съ
дѣтскихъ лѣтъ,
Я, небесахъ милосердіе ищетъ!

Гудаль совѣтуетъ ей съ вѣрой нести свой крестъ и покориться судьбѣ. Тамара говоритъ, что со смертію Синодала у нея больше нѣтъ цѣли въ жизни, и съ рыданіями снова бросается на трупъ.

Ахъ, всему мечтанъ конецъ,
любви.

Конецъ и велика святость
утѣшеній,
исчезли легкимъ сновидѣніемъ
надежды, радости мои.
Чего жъ мнѣ жпать, чего жъ мнѣ
ждать?
Одна могила, одна могила
Одна могила съ нимъ можетъ
сблизить меня.

Все становятся на колѣни, чтобы помолиться за князя. Появляется Демонъ и, обращаясь къ Тамарѣ, говоритъ ей слова утѣшенія и любви:

На плачъ, плачъ не плачь на-
трасно,
Горя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ
Не очнись тоски твоей,
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни молочные сны,
Что стонъ и слезы юной дѣвушки,
Для гостя райской стороны!
Тебя я, вольный сынъ зеира,
Возьму въ надзвѣздные края
И будешь ты царицей міра,
Полнота вѣчная моя!

Онъ исчезаетъ. Тамара узнаетъ голосъ незнакомца, котораго она видѣла на скалѣ, она взволнована. Обращаясь къ присутствующимъ, она спрашиваетъ ихъ, слышали-ли и они его голосъ. Гудаль ве-

лечь поскорѣе унести отъ не-
тѣло князя, но Тамара судо-
дорожно хватается за трупъ.
Няня проситъ не тревожить
Тамару и оставить ее одну,
чтобы она могла отдохнуть.
Всѣ уходятъ. Тамара ложится
на тахту. У ея изголовья сно-
ва появляется Демонъ и убѣж-
даетъ ее забыть о прошедшемъ.

„на воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтриль,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтиль
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неувидимыхъ
Волокнистыя стада.
Часть разлуки, часть свиданья
Имъ не радость, не печаль
Имъ въ грядущемъ нѣтъ дол-
данья.
имъ прошедшаго не жаль,
Въ день торжественный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомняи,
Будь къ земному безъ участья...
И безпечна, какъ они!“

Тамара, почти въ забытьи,
спрашиваетъ „кто ты, мой ли-
хранитель, посоль или ангелъ
небожитель?“ Въмѣсто отвѣта,
Демонъ нѣжно говоритъ ей:

„Лишь только ночь своимъ по-
кровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только мѣръ волшебнымъ
словомъ

завороженный, замолчитъ
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горъ тихонько встанетъ,
И на тебя украдкой взглянетъ,—
Къ тебѣ я стану прилетать.
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать!“

Демонъ исчезаетъ. Тамара
какъ бы проснувшись, вскаки-
ваетъ въ испугѣ и ищетъ Де-
мона. Няня, женщины подбѣ-
гаютъ къ ней. Входятъ Гудаль,
старый слуга и гонецъ. Тамара
разсказываетъ отцу о невѣдо-
мыхъ чарахъ, преслѣдующихъ
ее, объ искушеніяхъ и умоля-
етъ отпустить ее въ мона-
стырь. Гудаль умоляетъ поща-
дить его старость, а ей слы-
шится голосъ Демона, и она
молитъ отца спасти ее. Когда
старый слуга, а за нимъ всѣ
остальные начинаютъ уговари-
вать его исполнить просьбу
Тамары, онъ со слезами от-
пускаетъ ее, прося не забыть,
что старикъ-отецъ съ нетер-
пѣніемъ будетъ ждать ея воз-
вращенія въ родительскій домъ.
Тамара, рыдая, прощается со
всѣми и тихо удаляется, бро-
сая послѣдній взглядъ на от-
ца. За нею уходятъ старый
слуга, который вызвался от-
вести ее въ обитель и стать
ея стражемъ-хранителемъ, и

всѣ женщины. Гудаль убить печалью. Къ нему подходит гонецъ и уговариваетъ его отомстить за убійство Синодала. Князь Гудаль горячо одобряетъ эту мысль и предлагаетъ товарищамъ князя кликнуть кличъ, собрать войско и жестоко отомстить убійцамъ. Всѣ присутствующіе выхватываютъ шашки и удаляются съ воинственными криками

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА 5-я.

Дверь монастыря. Монастырь съ освѣщеннымъ окномъ въ кельѣ Тамари. Лунная ночь. Старый слуга у монастырскихъ воротъ несетъ караульную службу.

Появляется Демонъ; мрачный, онъ приближается къ дверямъ монастыря.

ДЕМОНЪ:

Обитала сонная,
Ея окно одно еще озарено,
И жлетъ она, и ждетъ давно
И я пришелъ!
Но страшно мнѣ войти въ освѣ-
щен- ное

И на днѣ старинной раны
Моя душа зашевелилась груде-
вой

И даже плакать могъ бы я
Лишь только я ее увидѣлъ,
Какъ тайно вдругъ возненави-
дѣлъ

Безсмертіе и власть мою,
Я позавидовалъ незольно
Неполной радости земной
Не жить какъ ты мнѣ стало
больно,

И страшно разнo жить съ тобой.
Да, я ее люблю,
Я обиваю ея извая-

«Она моя! Вотъ мой отвѣтъ,
 Рабъ, рабъ не гляди такъ грозно,
 Явился защищать ты поздно,
 И ей, какъ мнѣ, ты не судья...
 Не тронь обитель ты мою,
 Здѣсь больше нѣтъ твоей свя-
 тыни,
 Здѣсь я владѣю и люблю!»

Съ этими мыслями онъ хо-
 четъ войти въ монастырь, но
 ему дорогу загораживаетъ ан-
 гелъ, который запрещаетъ
 Демону переступить попогъ
 его святыни.

«Вухъ, безпокойный, вухъ по-
 рочный,
 зачѣмъ ты здѣсь, къ порѣ по-
 ночной?
 (Своихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
 Зло не дышало здѣсь до нынѣ,
 Съ моей любви къ моей святы-
 ни,
 не полагая преступности, святыни!»

Демонъ

«Она моя! Вотъ мой отвѣтъ,
 Рабъ, рабъ не гляди такъ грозно,
 Явился защищать ты поздно,
 И ей, какъ мнѣ, ты не судья...
 Не тронь обитель ты мою,
 Здѣсь больше нѣтъ твоей свя-
 тыни,
 Здѣсь я владѣю и люблю!»

и съ крикомъ: «Она моя!»,
 гнѣвно бросается за ограду и

исчезаетъ за стѣной мона-
 стыря. Ангелъ печально взгля-
 нувъ въ окно Тамары, съ по-
 никшей головой медленно уда-
 ляется

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Келья Тамары. Направо узким входом
из молельни, освещенную лампадой
передь киотомъ.

Тамара одна у окна. Она не
можетъ уснуть и все мечта-
етъ о таинственномъ незна-
комцѣ, который поясьюу пре-
двѣщаетъ ее:

Ночь тепла.
Ночь тиха
Не могу я уснуть,
Неотвязной мечтой
Занята
Кто-бъ онъ былъ.
Захочу ли
Въ храмъ я
Помолиться святому
А молюся ему,—
Кто-бъ онъ былъ
И онъ тамъ
Предо мной
Въ вѣнцѣхъ
Иль скользитъ
Безъ слѣда...
Кто-бъ онъ былъ...
И всегда
Слышу я
Голосъ страстныхъ речей.
И зоветъ онъ меня;
Но куда?...
Шепчетъ онъ
Говорить:
„Подожди, я приду“.
И я жду
Ужъ давно..
Кто-бъ онъ былъ?..

Демонъ входитъ, останавли-
ваясь у дверей Тамары. Лам-
пада гаснетъ, келья освѣщена
луной. За окномъ слышенъ
голосъ стараго слуги и стукъ
его въ чугунную доску. Пора-
женная появленіемъ Демона,
Тамара спрашиваетъ его: „Кто
ты?... молви, кто?“... Демонъ,
опускаясь къ ея ногамъ, от-
вѣчаетъ:

„Я тотъ, которому вниманіе
Ты въ полночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ.
Я тотъ, чей взоръ надежду гу-
битъ.
Едва надежда расцвѣтеть.
Я тотъ, кого никто не любитъ
И все живущее клянеть;
Я—бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я—царь познанья и свободы,
Я—власть небесъ, я—зло при-
роды,
И видишь—я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленіи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы неволя мои“.

Тамара находитъ его рвѣч-
ею и спрашиваетъ, чего
онъ хочетъ отъ нея. Демонъ
отвѣчаетъ:

Меня къ добру и несчастью
Ты возвратить могла бы словомъ.
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый
Я предсталъ онъ тамъ.

Какъ новымъ янелъ мнѣ блескъ
Тюамъ

Я только выслушалъ мою,
И рабъ твой, я тебя любилъ
Лишь только я тебя увидалъ
Изъ безкровномъ сердцѣ
Точъ нежданной опять заше-
лился живѣй
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность
Моихъ владѣній безконечности
Лустя громкія слова
Обионный хоамъ бсав

Полонъ жизни новой
Съ моей преступной толпой
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый
Я все бывое бросилъ въ прахъ
Мой рай, мой адъ, въ твоихъ
Зчахъ
Мою тебѣ не злѣшней страсть
Какъ полюбить не можешь ты
Всѣмъ упоеннымъ, всею страстью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ запечатленъ
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эфира.
Давно тревожа мысль мою
Мнѣ имя сладкое звучало,
Въ дни блаженства въ раю
Одной тебя не доставало
„О если-бъ ты могла цоня
Мою печаль, мои страданья,
Борьбу, стремленья и желанья,
Все, что я вынужденъ скрывать
Что прожить, тоскостныхъ лише-
ній,
Трудовъ и оудъ толпы людской
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній
Предъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мучени
Что жили, что ихъ жизнь и
смерть
Они прошли, они пройдутъ

тажежда есть, ждети, прожди
худи,
поптитъ онъ, можетъ, худи осу-
цить

Лоя жъ печаль безсмысленно тутъ,
И ей конца какъ мнѣ не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей.
Она то ластится какъ змѣя,
То жмется и блещетъ будто пла-
мень,
То лавить гонимъ, какъ будто ка-
мень
тажежда погибшихъ и страстей
Беспокойшимъ маялой

Тамара жалуетъ его, но
боясь, что онъ обманываетъ
ее, просить дать клятву въ
томъ, что отнынѣ онъ отрече-
тся „отъ злыхъ стяжаній“.
Демонъ клянется ей въ этомъ

Клянусь я первыми дномъ тво-
ренья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ.
Клянусь паденья горькой мукой,
Тобѣды краткою мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грядущею разлукой
Клянусь небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой
Клянусь твоимъ послѣднимъ
взглядомъ

Своею первую слезой
Клянусь, хотя ты не да-
хъ
ханьемъ
Толпою шелковыхъ кудрей,
Клянусь блаженствомъ и сир-
днью
Клянусь любовью моею!
Отрекся я отъ старой мести

Отрекся я отъ гордыхъ думъ,
Хочу я съ небомъ примириться.
Хочу любить, хочу молиться.
Хочу я вѣровать, любя.

Слышится молитвенное пѣ-
ніе вставшихъ отъ сна мона-
хинь. Тамара умоляетъ Демона
оставить ее, сжалиться
надъ ней, но онъ, чаруя ее
своимъ взглядомъ, продолжа-
етъ твердить ей о любви, объ-
упоении страстью. Тамара, из-
немогая въ борьбѣ, молится и
проситъ заступничества у Бо-
га, но, слабѣя, падаетъ въ
объятія Демона; онъ цѣлуетъ
ее. Тамара вскрикиваетъ, вы-
рывается изъ его объятій и
тутъ-же падаетъ мертвая. Изъ
молельни показывается ангелъ,
ярко озаренный вспыхнувшей
лампой и указываетъ на тѣнь
убитаго князя, жениха Тама-
ры, внезапно появившагося.
Онъ поетъ, что Тамара „лю-
била и страдала и рай открыл-
ся ей для любви“. Демонъ вос-
слицается: «Опять я сирь!
Опять одинъ!» и съ прокля-
тіями проваливается сквозь
землю. Раздается страшный
ударъ грома. Монастырь ру-
шится. Хоры ангеловъ возно-
сятся къ небу съ тѣлою Та-
мары. Ахмедъ.

КОМЕДЬ

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ

ОПЕРНЫХ ЛИБРЕТТО.

оставленныхъ въ видѣ подробныхъ
разсказовъ содержащихъ съ сохраненіемъ
главныхъ нумеровъ пѣнія

Издание Э. М. САХНИНА

Киев, В.-Полтавская № 2-й против Золот
восток

НА СКЛАДѢ ВСЕГДА ИМѢЮТСЯ
ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ
ДИБРЕТТЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ОПЕРЪ:

Аида—Верди
Алеко—Размакилов
Анна Каренина—Толстой
Аскольдская могила—Верс
Африканна—Мейерберга
Валь-Маскараль—Велли
Ватема—Пуччини
Ворисъ Годуновъ—
Вурвайр—Массена
Зальгельмъ Телль—Госсени
Золотенный Стрѣлокъ—Вибени
Крамъ Сила—Муромского
Залькирия—Вагнера
Зальма—Моцарто
Зальма—Тока
Зальма и Гретель—
Зугенотъ—Мейерберга
Земонъ—Рубинштейна
Жюконда—Понкюлли
Зобрина—Никити
Зонъ Жуанъ—Мецарта
Зубровскій—Навариника
Зонъ Паскаль—Доминетти
Заленя Овѣгиня—
Залма—Рибикова
Зидовна—Галевъ
Зизнь за Царя—
Зиза—Леонковалло
Зисатели жемчуга—
Золанта—Чайковского
Зарказскій плѣ—
Зарментъ—Бизе
Зизаъ Игорь—
Зуперъ Калашниковъ—
Закма—Делиба
Зиннади Шалунъ—
Зонгринъ—Визига
Зючѣ—Доминетти
Зидиуазель Фифи—
Зидиуазель—Чайковскаго

Швейцарская ночь—Глинского-Корсаковъ.
 Маккавей—Рубинштейна.
 Манонъ Леско—Массека.
 Манру—Падеревскаго.
 Марта—Флоръ.
 Мефистефель—Бенато.
 Миньонъ—Тома.
 Моцартъ и Сальери—Глинскаго-Корсакова.
 Неронъ—Рубинштейна.
 Опричникъ—Чайковскаго.
 Орлеанская дѣва—Чайковскаго.
 Отелло—Верди.
 Паяцы—Леонковалло.
 Пиковая дама—Чайковскаго.
 Продажная новѣста—Сметана.
 Пророкъ (Иоаннъ Лейд.)—Мейерберга.
 Пѣсь торжествуи любви—Готтвальда.
 Риглетто—Верди.
 Робертъ-Дьяволъ—Миньотта.
 Рогнеда—Сѣрова.
 Ромео и Джульетта—Чунь.
 Русалка—Даргомыжскаго.
 Русланъ и Людмила—Глинки.
 Садко—Римск.-Корсаковъ.
 Самсонъ и Далила—Сенъ-Сансъ.
 Саврильона—Массека.
 Севильскій Цирюльникъ—Россини.
 Сельская честь—Маскони.
 Смазка о царѣ Салтанѣ—Римскаго-Корсакова.
 Сказки Гофмана—Оффенбаха.
 Снѣгурочка—Римскаго-Корсакова.
 Тангейзеръ—Вагнера.
 Тоска—Пуччини.
 Травиата—Верди.
 Грубадуръ—Верди.
 Такъ сказали королю.
 Фаустъ—Гуно.
 Феракорсъ—Руоништеина.
 Фра-Дьяволо—Оберта.
 Хованщина—Мусоргскаго.
 Царская новѣста—Римскаго-Корсакова.
 Царь-плотникъ—Портинга.
 Чародѣйка—Чайковскаго.
 Черевички—Чайковскаго.
 Шопенъ—Орефиче.
 Эриани—Верди.
 Юдья—Сѣрова.
 Янекъ—Желенскаго.

При требованіи лиоретто про-
 ятъ прилагать задатокъ въ
 размѣрѣ 20 0/0 .